

УДК 1: 316.282: 303.01

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.3. 146

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ «ЛЕГИТИМНОСТЬ» В «ПОНИМАЮЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ» М. ВЕБЕРА

С.В. Козлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Понятие легитимности играет важную роль в многообразных современных социальных дискурсах. В статье рассматриваются основные принципы концептуализации понятий «легитимность», «легитимный порядок» в «понимающей социологии» М. Вебера. Анализируются ключевые понятия его концепции, затрагивается вопрос о ее философско-методологических основаниях. Веберовская трактовка понятия «легитимность» сопоставляется с трактовкой данного понятия в духе традиции правового позитивизма; обосновывается утверждение, что именно веберовская концептуализация «легитимности» стимулировала вхождение понятия «легитимность» в широкий обществоведческий оборот.

Ключевые слова: «понимающая социология», М. Вебер, неокантианская традиция, правовой позитивизм, легитимность и легальность, концептуализация, социальное действие, социальный порядок, значимость и признание.

В различных современных социальных дискурсах значимое место отводится понятию легитимности. Распространенной является точка зрения, согласно которой целостную научную концептуализацию легитимности в рамках обществоведческого дискурса впервые осуществил М. Вебер, что, как считается, стимулировало вхождение данного понятия в широкий обществоведческий оборот. Эта концептуализация была реализована немецким ученым и мыслителем в рамках его «понимающей социологии», истолковывающей «реальность социального» через призму такого человеческого поведения, в основе которого субъективно подразумеваемый смысл и ориентация на другого (других).

Ряд отечественных авторов (Н.Ф. Завершинский, В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев и др.), акцентируя роль М. Вебера в оформлении понятия «легитимность» в качестве содержательной обществоведческой категории, указывают на спорность нередко встречающихся утверждений о том, «что до Вебера понятия “легитимность” и “легальность” содержательно отождествлялись и рассматривались в качестве синонимичных производных от латинского *lex* (*legis*) – закон, трактуемого в смысле писаного права» [8, с. 126]. Данное замечание представляется справедливым. Поэтому прежде

чем сосредоточиться на основных принципах концептуализации легитимности в «понимающей социологии» М. Вебера, совершив краткий экскурс к истории появления самого термина «легитимность».

Его возникновение обычно связывают с событиями, последовавшими за революцией конца XVIII в. во Франции (утверждение и последующее падение власти Наполеона Бонапарта; эпоха Реставрации династии Бурбонов; июльская революция 1830 г.)¹. Данные события были сопряжены с противоборством различных «легитимностей» в тогдашнем обществе. Параллельно происходила кристаллизация идеологического дискурса, интерпретирующего общественный универсум в зависимости от конкретных интересов многообразных групп и выражающего их потребность в «оправдании» социальной дифференциации при стабилизации единого политико-правового порядка. В это время в общественно-политическом лексиконе появляются такие номинативные обозначения, как «легитимисты» и «легитимизм» и, как производное от них, «легитимность». В первом случае («легитимисты») речь идет о самообозначении сторонников свергнутой династии Бурбонов, рассматривающих общественный порядок, базирующийся на восстановлении ее власти, в качестве единственно «законного» («легитимный порядок»). Несколько позднее под «легитимистами» начинают понимать сторонников свергнутых «законных» династий вообще, а за термином «легитимизм» закрепляется значение политико-правовой теории, признающей «историческое право, в особенности историческое право династий, за главный принцип, которым следует руководствоваться при устройстве судеб народов» [11, с. 457]. Очевидно, что хотя в приведенных случаях понятия легитимности и законности не разделялись, в качестве «легитимизма» (в смысле «обосновывающего, оправдывающего принципа») при этом мыслился не закон в его узкоюридическом смысле (в смысле писаного права), а право, укорененное в истории, обоснованное давностью времени, традицией. Имея первоначально ярко выраженный консервативно-реставрационный смысл, само понятие «легитимность» обычно употреблялось в противовес революционному принципу узурпации власти, который обосновывал законность новой власти с помощью понятия «народный суверенитет» [10, с. 21].

¹ Разумеется, если речь вести не просто о появлении термина «легитимность», а о самой фундаментальной проблеме специфического обоснования власти, обеспечивающего признание определенных ее форм и полномочий людьми (обозначаемой в наше время как «проблема легитимации»), то подобная проблематика будет отсылать нас к истокам потестарно-политических отношений как таковых и к истории их осмысления. Фундаментальными формами такого обоснования власти, определенного порядка общественной жизни являются, например: идея справедливости у Платона, аристотелевское разделение правильных и неправильных форм правления, средневековый теолого-политический дискурс о божественном праве королей, концепция народного согласия как источника публичной власти и ее легитимности и др.

С середины XIX в. влиятельной становится концепция правового позитивизма (Дж. Остин, К. Бергбом, Г. Кельзен и др.). В рамках этой концепции легитимность власти выводится из ее соответствия наличной конкретно-исторической форме закона (соответственно, происходит последовательное отождествление легитимности с легальностью, формально-юридической законностью). Немецко-американский политический теоретик К. Фридрих следующим образом разъясняет суть этой политико-правовой позиции: «Вопрос о легальности господства есть вопрос о том, согласуется ли господство с существующими законами позитивного права... В этом случае вопрос о легитимности, где есть господствующие правовые воззрения позитивного права, заключается только в спрашивании, согласуется ли оно (т. е. господство. – *С.К.*) с позитивным правом, и если да, то есть основание считать его легитимным» (цит. по: [10, с. 21]). Следует отметить, что сведение легитимности публичной власти к ее легальности связано с углубляющимися процессами формализации и рационализации властных отношений, что (в числе прочего) стимулирует отстранение от проблемы «предельного» обоснования власти (но при этом не снимает полностью проблему источников властного авторитета)². Ценностная нейтральность данной позиции ведет к трактовке легитимности как побочного результата власти (и силы), полагающей закон и подкрепляющей его соответствующими санкциями.

Таким образом, очевидно, что концептуализация в духе установок правового позитивизма подразумевает ситуацию совпадения легальности и легитимности. Но всегда ли таковые совпадают? Дело в том, что легальность – феномен юридический, по крайней мере по процедуре: она устанавливается и гарантируется властью. Легитимность же представляется явлением более широкого порядка: возникая из однородности общественно-политических установок, нравов, традиций, общего духа данного общества, она выражает ценностный, культурный аспект взаимоотношения власти и общества [9, с. 49–50].

В конце XIX – начале XX вв. в социальных науках получают распространение антипозитивистские направления, имеющие культуроцентрический характер. Среди них значимым явлением становится «понимающая социология» М. Вебера, базирующаяся на переосмысляемых философско-методологических установках неокантианства баденской школы (при этом

² Как известно, развивавшаяся с Античности и Средних веков концепция «естественного права», затрагивала проблему морального содержания власти и законов; в новое время она обосновывается через отсыл к допущению об универсальности человеческой природы (и связываемых с ней прав и свобод). В противоположность ей концепция «позитивного права» рассматривает закон лишь как совокупность правил, выполнение которых гарантируется государственным аппаратом принуждения. В такой парадигме легитимность закона определяется не его моральным содержанием, а теми процедурами, посредством которых он разрабатывается и проводится в жизнь соответствующими властями.

следует также отметить и присутствие в концепции М. Вебера, культуроцентрической по ее основным посылам, некоторых моментов позитивистского бэкграунда). Согласно представлениям данного немецкого теоретика, науки социогуманитарного типа нацелены на то, чтобы «познать жизненные явления в их культурном значении» [2, с. 373–374]. Основанием же для выделения культурно-значимого выступает, как он полагает, некий «интерес эпохи» (присущая эпохе направленность интереса, которая задает способ организации внимания исследователей). Будучи выраженным в виде теоретической схемы («идеально-типической конструкции»), «интерес эпохи» проецируется на эмпирическую реальность и становится организующим принципом ее познания (см. напр.: [2, с. 380–414; 4, с. 570]).

Задачу своей «понимающей социологии» М. Вебер видит в том, чтобы «*истолковывая, понимать социальное действие* и тем самым причинно объяснять его протекание и результаты» [5, с. 67–68] (курсив мой. – С.К.). При этом «реальность социального» им мыслится в антипозитивистской парадигме: не как совокупность фактов по аналогии с фактуальностью естественно-природного порядка (или, по крайней мере, не как нечто сводимое к реальности позитивно-фактуального порядка), а через призму смыслов и значений, связываемых субъектами с осуществляемыми ими действиями и взаимодействиями. В оптике подобных социально-философских установок специфическое звучание и важность приобретают проблемы социального порядка, власти, господства, рассматриваемых в аспекте оснований их (порядка, власти, господства) «значимости» для субъектов социального действия, «признания» этими субъектами соответствующих общественно-политических реалий, что и выражается у Вебера в понятиях легитимности и легитимного порядка.

Концептуализация понятия «легитимность» осуществляется немецким социологом и общественно-политическим мыслителем в двух взаимосвязанных плоскостях: применительно к социальному порядку в целом и применительно к власти-господству (прежде всего политического характера). Само понятие было заимствовано М. Вебером непосредственно из области правоведения. Вводит он его в социологический и социально-философский оборот, отправляясь от критического рассмотрения обществоведческих построений немецкого правоведа и социального философа Р. Штамmlера. Вебер указывает на то, что в рамках концепции данного автора происходит смещение эмпирической значимости социального порядка (связываемой с его фактическим признанием субъектами в качестве «значимого» для их социального поведения), и значимости нормативной, характеризующейся формальным соответствием законам страны [5, с. 91–92]. Обращаясь в этом контексте к понятию легитимности, Вебер придает ему определенную социологическую направленность, чтобы тем самым зафиксировать на понятийно-терминологическом уровне различие значимости порядка фактической и нормативной (в первом случае речь должна идти о легитимности, во втором – о легальности порядка) [7, с. 370–376].

Следует отметить, что в веберовской «понимающей социологии» общественные реалии предстают как перманентно конституируемые (производимые и воспроизводимые) в действиях и взаимодействиях субъектов. Социальный порядок как таковой немецкий обществовед представляет в качестве агрегированного результата регулярных социальных отношений, в рамках которых действия индивидов оказываются взаимосоотнесенными друг относительно друга по смыслу [5, с. 86–88]. Стремясь, в соответствии со своими философско-методологическими установками, представлять «реальность социального» через призму «субъективно подразумеваемых смыслов и значений», связываемых индивидами с их действиями, он десубстанциализирует «социальное». При этом Вебер становится на позицию «методологического индивидуализма». Заметим, что номинализм, трактуемый в качестве онтологической позиции, противоречит наследуемым Вебером неокантианским установкам. В рамках его «понимающей социологии» речь идет об «индивидуализме» (номинализме) именно как о методологической позиции, принимаемой как способ описания и концептуализации «социального». Согласно этой стратегии «социальность» не должна рассматриваться вне и помимо индивидов, не должна происходить ее субстанциализация: лишь в той мере и настолько, в какой и насколько «всеобщее» признается отдельными индивидами и ориентирует их реальное поведение, постольку оно и считается существующим [6, с. 65–66, 68–69]. Этим определяема и развиваемая Вебером концепция социального действия, в которой в качестве его (социального действия) субъектов рассматриваются лишь индивиды, а многообразные формы коллективности, совместной деятельности людей, социальные институты должны быть сводимы к поведению образующих их индивидов, социальным действиям и взаимодействиям индивидуальных субъектов [5, с. 75–76]. Само социальное действие определяется Вебером как такое человеческое поведение, с которым осуществляющий его человек связывает некий субъективно подразумеваемый смысл, и которое по этому своему смыслу ориентировано на других (на прошедшее, настоящее или ожидаемое в будущем их поведение) [5, с. 68, 82–84].

Как отмечают П.П. Гайденко и Ю.Н. Давыдов, категория «ориентации на другого (других)» является в веберовской концепции преобразованием играющего важную роль в правоведении и философии права понятия «признание». Согласно утверждению данных авторов, «“признание”, составляющее конститутивный момент правосознания, объявляется им (Вебером. – С.К.) конститутивным моментом всякого социального действия вообще» [6, с. 69]. Соглашаясь с данным утверждением, отметим особую его значимость в контексте прояснения интересующих нас концептуальных построений немецкого ученого и мыслителя, касающихся темы легитимности (а, соответственно, и «признания») социального порядка.

Понятие социального порядка, как известно, является одним из ключевых в социальном теоретизировании. Соотнося данное понятие с опреде-

ленными устойчиво воспроизводимыми формами действий и взаимодействий субъектов, М. Вебер говорит о том, что в рамках социального порядка их поведение (в среднем и приближенно) ориентировано на определяемые правила-максимы. Речь у него при этом, разумеется, идет о некоей теоретической конструкции («социальном порядке» как «чистом идеальном типе»), т. к. в действительности ориентация индивидов на требования системы задается различными мотивами: от привычки до соображений интереса [5, с. 90]. Развивая свои построения, автор уточняет, что если «ориентация на эти максимы имеет место, по меньшей мере, ... также и потому, что она “значима”, т. е. рассматривается участниками как обязательная или служащая в качестве образца», то в таком случае следует говорить о «значимости» порядка как такового, то есть о его «легитимности». Таким образом, *легитимный порядок* трактуется Вебером как *порядок, имеющий «престиж обязательности и образцовости»* [5, с. 90] (курсив мой. – С.К.). Такой порядок характеризуется им как обладающий гораздо большей степенью устойчивости, чем порядок, основанный на одних лишь целерациональных мотивах, действующих в рамках субъектов, или порядок, основанный только на обычае, привычке к определенному поведению [5, с. 90].

В этом контексте принципиально важным является вопрос о том, как *гарантируется легитимность социального порядка*. Согласно Веберу это может достигаться как внутренним, так и внешним образом. *Внутренне* легитимность порядка может обеспечиваться: 1) *аффективным*, 2) *ценностно-рациональным*, 3) *религиозным* образом. В первом случае имеется в виду чисто *эмоциональная приверженность* наличному порядку социальной жизни; во втором – *уверенность в его непреложной значимости в качестве выражения неких безусловных ценностей и норм*; в третьем – *вера в то, что от сохранения данного порядка жизни зависит высшее благо и спасение людей* [5, с. 92] (курсив мой. – С.К.).

Легитимность может быть гарантирована и *внешне*, ожиданием специфических внешних последствий, связанных со следованием данному порядку (или, наоборот, уклонением от него), т. е. интересом. К внешним гарантиям легитимности М. Вебер относит *конвенцию и право*.

В терминологии немецкого обществоведа *конвенция* есть «обычай, который *определенной группой* воспринимается как значимый и защищается от отклонений посредством неодобрения таковых» [там же]. Иначе говоря, на уровне конвенции легитимность социального порядка гарантируется возможностью того, что любое отклонение от него натолкнется на относительно общее и практически ощутимое порицание внутри определенного круга людей (для которых этот порядок считается значимым и законным). Отсутствие в данном случае специфического «*штаба*, т. е. группы людей, специально нацеленной на принуждение...», не означает, как справедливо отмечает Вебер, полную добровольность поведения и отсутствие механизмов принуждения (в качестве такого механизма может выступать, например, социальный бойкот, который в определенных ситуациях «может

быть эффективнее и сильнее, чем правовое принуждение») [5, с. 93]. Право же как механизм, гарантирующий легитимность порядка, в отличие от того, что Вебер называет конвенцией, подразумевает наличие «штаба принуждения», т. е. специальной группы людей, исполняющих функцию охраны порядка посредством применения силы (или угрозы ее применения) по отношению к его нарушителям [5, с. 93–94].

Очевидно, что право, конвенция, этика могут дополнять друг друга в качестве механизмов, обеспечивающих легитимность социального порядка. Особенно Вебером акцентируются этические нормативные представления. Речь идет о том, что в данном случае «специфический род ценностно-рациональной веры прилагается как мерка к человеческому действию, претендующему на предикат “нравственно доброе”», так что эти представления могут очень сильно влиять на поведение людей без каких-либо внешних гарантий. При этом часто нормы в их исполнении «...гарантируются религией. Также они могут быть гарантированы (в соответствии с принятой здесь терминологией) конвенционально..., а еще и юридически» [5, с. 94]. Таким образом, *«внешне» гарантированные системы могут быть гарантированы и «внутренне», и наоборот.*

Немецкий ученый и общественно-политический мыслитель исходит из того, что социальный порядок как таковой обычно связан с теми или иными формами власти и господства. Следует акцентировать дифференцированность (и одновременно тесную взаимосоотнесенность) двух последних категорий у Вебера. Согласно его определению, «власть – это вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность не основывалась» [5, с. 109]. Власть может быть, например, связана с персональными качествами индивидов и, в принципе, различные качества человека и стечения обстоятельств могут создавать ситуацию, когда он получит возможность требовать подчинения своей воле. В рамках анализа «социальных порядков» М. Вебер считает более предпочтительным использовать понятие «господство», подразумевая под таковым отношение, в котором власть является внутренним фактором социальной связи и указывает на наличие неравенства. При этом акцентируется, что господство означает «вероятность того, что определенные люди повинуются приказу определенного содержания» [там же]. Таким образом, ситуация господства предполагает взаимное ожидание: того, кто приказывает, что его приказу будут повиноваться; тех, кто повинуются, что приказ будет иметь тот характер, какой ими ожидается, т. е. признается. Интерпретируя соотношение «власти» и «господства» в концепции Вебера, следует согласиться с Р. Ароном, утверждающим, что «в первом случае приказ не есть законная необходимость, а подчинение – не обязательно долг, тогда как во втором случае подчинение основано на признании приказов теми, кто им подчиняется» [1, с. 550]. Очевидно, что господство, определяемое в концептуальной сетке веберовских понятий, предполагает не просто ситуацию фактического неравенства, но и согласие с ней

со стороны доминируемых, подвластных. В такой перспективе внимание исследователя сосредотачивается на механизмах, обеспечивающих добровольность подчинения.

Вебер исходит из того, что добровольное подчинение в рамках определенной системы господства обусловлено *авторитетом власти* в глазах тех, кто готов ей подчиняться. При этом он, как известно, выделял *три вида такого авторитета* (или «внутреннего оправдания» людьми подчинения той или иной властной инстанции): *а) авторитет традиций; б) авторитет личных достоинств, харизматических качеств; в) авторитет рациональности общепризнанных, легальных установлений* [3, с. 646–647; 5, с. 254–255]. Отсюда проистекают три широко известных веберовских «чистых типа легитимного господства»: *традиционный, харизматический, легально-рациональный*. Причем и традиционное, и харизматическое господство, согласно Веберу, персонифицированы, опираются на личные отношения между господствующим и подчиненными, тогда как легально-рациональное имеет безличный характер. «При господстве на основе формальных актов имеет место подчинение легально установленному объективному *безличному порядку* и определенному на его основе *руководителю* в силу формальной легальности его распоряжений и в пределах последней. При традиционном господстве подчиняются *персонально господину*, призванному властвовать благодаря традиции, опираясь на традицию и в пределах ее значимости. Харизматическое господство – это подчинение обладающему харизмой *вождю* как таковому в силу веры в провозглашенное им откровение, в его геройство или совершенство и в пределах этой веры» [5, с. 255]. Важным дополнением к этим определениям является утверждение Вебера о том, «что основой *любого* господства, а следовательно, и *любого* подчинения, является вера, создающая престиж господствующего или господствующих. По своему характеру она не бывает однозначной. При легальном господстве она *никогда* не является чисто легальной. Она всегда “привычная” вера, т. е. еще и обусловлена традицией, разрушение которой может ее уничтожить» [5, с. 300].

Эта своего рода обмолвка немецкого теоретика показывает всю двойственность его трактовки легального господства: последнее в качестве «идеального типа» конструируется им как имеющее своей основой целерациональное действие, т. е. планомерное приспособление к соображениям интереса, ведущее в пределе к устранению примеси всякой традиционности и не обладающее собственным ценностным фундаментом; и, одновременно, он констатирует наличие в данном типе господства примеси «традиционности» (в смысле привычности самой веры в легальность порядка, в соответствии с которым осуществляется власть) как условия его осуществления.

Показательно, что Вебер, говоря о единообразии социального поведения (особенно экономического), акцентирует, что оно (единообразие) в принципе может быть определяемо и независимо от ориентации на «значимые» нормы или обычай, а сугубо на основе целерациональных мотивов:

чем более целерационально поведение индивидов, тем более сходны их реакции на определенные ситуации [5, с. 91–92]. Складывающемуся таким образом единообразию социального поведения в наибольшей степени будет соответствовать рационально-бюрократический механизм в сфере управления. При этом, в логике построений немецкого исследователя, именно такой механизм, взятый в его «чистом виде», более всего предрасположен испытывать дефицит легитимности в глазах масс (особенно в условиях проведения мероприятий, выходящих за пределы сферы общественного согласия) как лишенный «ценностного фундамента» и, соответственно, нуждается в определенных дополнительных легитимационных «подпорках», таких как авторитет традиционных институтов или харизма лидера [6, с. 88–97]. С этим, в числе прочего, связана развиваемая Вебером концепция плебисцитарно-вождистской демократии, нацеленной на отбор сильных партийных лидеров харизматического типа, уравнивающих власть чиновничье-бюрократического аппарата и получающих непосредственную демократическую легитимность от масс [3, с. 674–706]. Данная концепция может вызывать различные исторические аналогии, при этом она, несомненно, отражает, в первую очередь, реалии массового общества эпохи модернизации и индустриализма (неоднозначность данной концепции станет очевидной в свете последующих событий XX в. (и, прежде всего, в самой Германии)).

Как это неоднократно отмечалось различными исследователями (напр. см.: [6, 8, 10]), в теории Вебера (как и во многих последующих) понятие легитимности имеет преимущественно субъективистскую направленность: легитимность понимается не столько как свойство некоего социального порядка, социальной системы, сколько как свойство определенного представления о них, отталкиваясь от которого, люди ведут себя определенным образом, устанавливая соответствующие отношения друг с другом. В таком случае подразумевается, что нет абсолютной противоположности между легитимной значимостью социального порядка и отсутствием таковой: порядок легитимен в той степени, в какой он признается социальными субъектами (большинством из них), оказывается «значимым» на уровне их реального поведения, осуществляемых ими действий и взаимодействий. С точки зрения различных индивидов один и тот же порядок, определенные осуществляемые в его рамках типы действий, практик могут восприниматься как в качестве легитимных, так и в качестве нелегитимных. Очевидно, что подобный подход связан с отрицанием существования абсолютных стандартов легитимности (в том числе основанных на «естественном праве») [6, с. 92–93]. Одновременно веберовская концептуализация легитимности связана с представлением о том, что в объективном смысле легитимность подразумевает способность некой системы (включая систему властвования-господства) поддерживать у индивидов веру в ее собственную значимость и обоснованность, утверждать значимость собственных норм и максим на себе же самой.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что понятие легитимности было введено М. Вебером в контекст социологической и социально-философской мысли для того, чтобы отличать фактическую значимость социального порядка (связываемую с его признанием индивидами в качестве «значимого» на уровне их социальных действий и взаимодействий) от нормативной, характеризующейся формальным соответствием законодательным актам (т. е. от легальности). Соответственно, понятие легитимности в такой его интерпретации предполагает наличие у индивидов представлений о «значимости» наличного общественного порядка, его норм и требований, что проявляется в признании сложившегося положения дел и добровольном следовании ему. Применительно к сфере властных отношений понятие легитимности оказывается тесно связанным с понятием об авторитете власти как основании добровольного ее признания, согласия следовать ее побуждениям и требованиям. Разграничивая традицию, харизму и рационально-легальное установление в качестве «идеально-типических» оснований властного авторитета, сообщающих соответствующей системе господства характер легитимности в глазах подвластных, Вебер полагал, что в социальной эмпирии мы, как правило, имеем дело с некими смешанными типами власти-господства. Исходя из этого, он апеллировал к идее смешанной легитимности, в рамках которой власть базируется на поддержке народа, заданной различными типами легитимации и в каких-то их пропорциях.

Список литературы

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М.: Изд. группа «Прогресс»–«Политика», 1991. 608 с.
2. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345–415.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
4. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547–601.
5. Вебер М. Хозяйство и общество: в 4 т. М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. Т. 1. 445 с.
6. Гайденок П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
7. Давыдов Ю.Н. М. Вебер: социология в системе наук о культуре // История теоретической социологии: в 4 т. / ответ. ред. и составитель Ю.Н. Давыдов. М.: Изд-во «Канон +» ОИ «Реабилитация», 2002. Т. 2. С. 344–408.
8. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Полис. 2001. № 2(61). С. 113–131.

9. Кравченко И.И. Власть и общество // Власть: Очерки современной политической философии Запада / под ред. В.В. Мшвениерадзе. М.: Наука, 1989. С. 37–64.
10. Легитимация власти в постсоциалистическом Российском обществе / В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов [и др.]. М.: Аспект-пресс, 1996. 127 с.
11. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том XVII / под ред. И.Е. Андреевского, К.К. Арсеньева, Ф.Ф. Петрушевского. СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1896. 499 с.

ON THE QUESTION OF «LEGITIMASY» NOTION CONCEPTUALIZATION IN THE MAX WEBER'S «INTERPRETIVE SOCIOLOGY»

S.V. Kozlov

Tver State University, Tver

«Legitimasy» notion plays an important role in diverse social discourses. The article examines the main principles of conceptualization of the notions of «legitimacy», «legitimacy order» in the M. Weber's «interpretive sociology». The basic notions of his concept are considered; the issue of its philosophical and methodological foundations is addressed. The Weberian interpretation of «legitimasy» notion is compared with the interpretation of this notions in legal positivism. The author substantiates the assertion, according to which the M. Weber's conceptualization of «legitimacy» stimulated the entering of «legitimasy» notion into a wide social sciens circulation.

Keywords: *«interpretive sociology», M. Weber, neo-Kantianism tradition, legal positivism, legitimacy and legality, conceptualization, social action, social order, significance and recognition.*

Об авторе:

КОЗЛОВ Сергей Валентинович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия. E-mail: koslovserg@yandex.ru

Author information

KOZLOV Sergey Valentinovich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Russia. E-mail: koslovserg@yandex.ru